

Лян Хаожань не знал, выкрикнул ли он сначала имя или тело среагировало на инстинктах раньше.

Подобно леопарду, он бросился в сторону Лу Юньцзэ, в один прыжок заступил ему дорогу и резко выбросил руку.

Он надеялся перехватить мяч в воздухе благодаря прыгучести, но всё же опоздал на какую-то долю секунды.

Мяч опасно чиркнул по краю его руки, а затем безжалостно, с устрашающим свистом устремился прямо ему в лицо.

Лян Хаожань инстинктивно крепко зажмурился.

— Бац!

Раздался противный, отдававший в зубы глухой звук, и волна адской боли, от которой перед глазами мгновенно заискрилось, а в голове всё поплыло, обрушилась на мозг.

Это была такая боль, перед которой впору ставить ругательства вроде черт побери или твою мать, иначе её просто не описать...

Лян Хаожань потерял равновесие, его рослый корпус качнуло, и он тяжело рухнул на твердый деревянный пол.

— Ссс...

Из-за того, что от мощнейшего удара его мозг завис и перезагрузился, как старый компьютер, ему потребовалось несколько секунд, чтобы тупо осознать трагический факт: ему прилетел прямой удар в лицо.

Как раз в тот момент, когда злополучный волейбольный мяч лениво скатился в слепую зону его зрения, он почувствовал, как под кончиком носа по фильтруру потекла горячая жидкость.

В такую жару это вряд ли были сопلي от простуды, так что оставалось лишь одно объяснение: из носа пошла кровь.

Он уже и не помнил, сколько лет у него не было такой позорной неприятности, как носовое кровотечение.

Сам пострадавший Лян Хаожань держался еще относительно спокойно, вот только в голове

непрерывно гудело.

Зато окружающие мгновенно подняли панику.

Вопли вроде черт, вот блядь, да он рехнулся разносились со всех сторон, и весь спортзал превратился в один сплошной базар.

— Мать моя, ему же переносицу, кажется, сломали!

— Хао-цзы, ты как?!

— У кого есть салфетки?! Быстрее, у кого-нибудь есть туалетная бумага?

— Кто на физкультуру вообще носит эту хрень!

— А где старик Ван?! Куда делся учитель физкультуры? У Лян Хаожаня кровь из носа!

— Старик Ван только что ответил на звонок и вышел в коридор!

В обычное время эта шайка друзей-язв, увидев его в столь нелепом положении, устроила бы коллективную побудку с насмешками минут на десять.

Но судя по тому, с какими мертвенно-бледными лицами они столпились вокруг него, словно перед лицом смертельной угрозы, врезало ему и впрямь со страшной силой.

Или же даже сейчас, с залитым кровью лицом, он оставался настолько красавчиком, что они не смели просто так над ним прикалываться...

Даже Хэ Цы, главный виновник этого броска, на редкость ошеломленно замер.

Он простоял так секунду-другую, а затем поспешно сделал три шага вперед, опустился на корточки и спросил:

— Ты как?

Во главе с Хэ Цы его закадычные дружки гурьбой обступили пострадавшего, окружив того в три плотных кольца.

Пэн Юй и Пан Бо перепугались настолько, что с них градом катился пот.

Лица у всех были хуже некуда.

— Какое к черту как. У тебя у самого-то есть хоть какое-то представление о силе собственного удара? — не преминул ядовито ответить Лян Хаожань, поднимаясь с помощью протянутой руки Пэн Юя и покачиваясь на ногах.

Услышав это, лицо Хэ Цы заметно помрачнело, а глаза наполнились глубоким раскаянием.

Лян Хаожань изначально хотел сделать вид, что всё в порядке, и отшутиться, показав, что просто притворяется для пущего эффекта, чтобы разрядить обстановку.

Но, к сожалению, на этот раз сыграть не получилось.

Он понятия не имел, какой ужасающей была начальная скорость мяча, но сейчас чувствовал лишь дикую боль в голове и жжение во всей носоглотке, от которого всё онемело.

...Твою мать, неужели из-за этого удара его гордому носу и впрямь пришел конец? Как потом жить на свете с испорченной внешностью?

И пока он всерьез переживал за свое главное орудие выживания — природную красоту, — в поле его зрения, растолкав толпу, внезапно протиснулось мертвенно-бледное лицо.

Брови, которые обычно всегда были чуть сдвинуты к переносице, сейчас нахмурились еще сильнее.

Это был Лу Юньцзэ.

— Чего ты дергаешься?

Холодный и чистый голос Лу Юньцзэ отчетливо прозвучал в шумной толпе.

Он шагнул вперед и, протянув руку со своими тонкими суставчатыми пальцами, крепко зажал Лян Хаожаня с обеих сторон носа.

— Опусть голову ниже.

Следом прозвучал не терпящий возражений приказ.

Словно под гипнозом, Лян Хаожань послушно подчинился и покорно опустил голову.

Увидев это, Лу Юньцзэ протянул вторую руку и мягко поддержал его за подбородок.

Ага, видимо, посчитав, что тот опустил голову слишком низко, он знаком велел приподнять ее под небольшим углом.

Честно говоря, извечный спор о том, нужно ли запрокидывать или опускать голову при носовом кровотечении, оставался для самого Лян Хаожаня загадкой.

— Оказывается, при носовом кровотечении надо опускать голову... А я вечно путал и думал, что нужно задирать подбородок.

Из-за того, что нос был намертво зажат, речь Лян Хаожаня звучала с комичным гнусавым оттенком.

Услышав эту глупость, Лу Юньцзэ нахмурился так, что между бровей, казалось, могла застрять муха.

— Если запрокинуть голову, кровь потечет обратно в трахею или пищевод, что вызовет кашель и даже удушье.

— Оу... Буду знать, — гнусаво отозвался Лян Хаожань, поддерживая разговор.

— Это элементарные знания, известные даже ученикам начальной школы.

Даже в такой момент этот ледяной отличник не упускал возможности холодно и язвительно сострить.

— Хао-цзы, ты точно в порядке? — с тревогой в голосе переспросил стоявший рядом Пэн Юй.

Лян Хаожань скосил на него глаза, шмыгнул носом и ответил:

— В каком к черту порядке. Мне сейчас кажется, будто у меня в голове сотня пчел устроила рок-концерт.

— Чего ж ты тогда геройствовал и бросился подставляться под удар! Ты хоть знаешь, как ты нас напугал? — пожаловался Пэн Юй.

И правда, какая муха его укусила — устраивать тут сцены спасения красавчика... то есть, тьфу ты, самопожертвования?